

---

УДК 316.4; 316.73

DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.02

**ЯКИМОВА Е.В.\* СОЦИОЛОГИЯ КАТАСТРОФ КАК ОБЛАСТЬ  
ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. (Обзор)**

*Аннотация.* Обзор посвящен становлению и теоретической эволюции достаточно нового направления в современных социальных науках – социологии катастроф. Социология катастроф изучает коллективное поведение людей, реакцию сообществ и социальных институтов в условиях чрезвычайных ситуаций, разрушающих привычный ход жизни.

*Ключевые слова:* катастрофа; стихийное бедствие; управление чрезвычайными ситуациями; коллективное поведение; социальная уязвимость; посттравматическая адаптация; культурсоциология; *disaster studies*.

*Для цитирования:* Якимова Е.В. Социология катастроф как область исследования : теоретические аспекты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 4. – С. 14–36. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.02

**YAKIMOVA E.V.\*\* The sociology of catastrophes as an area of research: theoretical aspects. (Literature review)**

---

\* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

\*\* Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

*Abstract.* The literature review is devoted to the formation and theoretical evolution of a new direction in the modern social sciences – sociology of catastrophes. The sociology of catastrophes examines the collective behavior of people, the response of communities and social institutions to emergencies that disrupt the routine life.

*Keywords:* disaster; natural disaster; emergency management; collective behavior; social vulnerability; post-traumatic adaptation; cultural sociology; disaster studies.

*For citation:* Yakimova E.V. The sociology of catastrophes as an area of research : theoretical aspects. (Literature review). Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2022. – N 4. – P. 14–36. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.02

Обзор посвящен становлению и теоретической эволюции социологии катастроф – направления в современной социологической науке (и, шире, в мульти- и междисциплинарном пространстве социального знания), предметом которого являются бедствия и чрезвычайные (нештатные) ситуации разного генеза и масштабов: стихии (наводнения, землетрясения, ураганы, цунами, торнадо, извержение вулканов), техногенные (технологические) катастрофы (крушение самолетов, аварии на АЭС), опасные своими последствиями социальные катаклизмы (террористические акты). В фокусе социологического осмысления катастроф находятся такие ключевые их составляющие, как коллективное поведение и реакции людей, организаций, институтов и сообществ на события и обстоятельства, разрушающие рутинный ход социальной жизни (привычные нормы общежития и взаимодействия, паттерны поведения и социальных отношений, моральные обязательства и установки и т.п.). Интерес социологов к данному феномену обусловлен также необходимостью прогнозирования нештатных ситуаций и поиска эффективных способов управления в чрезвычайных условиях, включая технические и организационно-практические меры по смягчению разрушительного действия катастроф. Таким образом, для социолога катастрофа – это не столько событие, сколько деструктивный социальный фактор и результаты его воздействия в масштабах социальных сообществ и сложившихся социальных

структур. Целью осмысления бедствий в рамках социологического знания служит поиск способов повышения готовности общества к переживанию опыта катастроф и последующей социальной и экономической реабилитации.

Становление социологии катастроф пришлось на 1950-е годы. В то время это была прикладная область знания, которая развивалась преимущественно как эмпирическое изучение коллективных реакций на стихийные бедствия. Географические рамки дисциплины ограничивались Соединенными Штатами, объектом исследования были природные катаклизмы в Северной, Центральной и Южной Америке. Пионерами социологии катастроф являлись по преимуществу американские исследователи – Э. Карантелли, Т. Драбек, А. Бартон, Ф. Бэйтс, Р. Дайнес, Ч. Фриц (подробнее см.: [Drabek, McEntire, 2003]). Традиционно первые опыты изучения катастроф с позиций социологии связывают с работами С. Принса [Prince, 1920] и П. Сорокина [Sorokin, 1942]. Тем не менее систематический характер подобные исследования приобрели только в годы «холодной войны», когда государственные и военные структуры США начали финансировать исследования и подготовку социальных прогнозов, касающихся массовых реакций людей, организаций и сообществ на потенциальную угрозу ядерной и бактериологической войны. На протяжении 1950–1960-х годов был накоплен солидный эмпирический материал, касавшийся вышеназванных аспектов катастрофических и чрезвычайных ситуаций, который предполагалось использовать для моделирования коллективного поведения в условиях Третьей мировой войны.

Одним из первых реализованных проектов такого рода стало лонгитюдное исследование Национального центра изучения общественного мнения при Чикагском университете (*National opinion research center, NORC*)<sup>1</sup>, проводившееся в 1950–1954 гг. С конца 1950-х годов подобные проекты осуществлялись в основном под эгидой Национальной академии наук США, в рамках которой в 1968 г. была создана группа, а позднее Центр изучения катастроф (*Disaster research center, DRC*, с 1985 г. работает на базе Универ-

---

<sup>1</sup> См.: National opinion research center. – URL: <https://www.norc.org/Pages/default.aspx> (accessed: 01.11.2022).

ситета Делавэр)<sup>1</sup>. DRC, первым руководителем которого был Э. Карантелли, готовит специалистов в области *disaster studies* и ведет исследовательскую работу в этой сфере знания. Аналогичные аналитические центры позднее были созданы в Университете Колорадо и в Техасском университете A&M; последняя организация ориентирована на мультидисциплинарное изучение катастроф.

В 1980-е годы *disaster studies* расширили свою географию и дисциплинарное содержание; помимо социологов, к этой теме все чаще стали обращаться представители таких наук и прикладных направлений, как социальная психология, география, аналитика рисков, политология и социальная политика. Институциональное оформление социального анализа катастроф в качестве социологической дисциплины произошло в 1986 г., когда Международная социологическая ассоциация (ISA) учредила Комитет по изучению стихийных бедствий (*Disaster research committee*)<sup>2</sup>. Комитет имеет свой профессиональный журнал (*International journal of emergencies and disasters*)<sup>3</sup>, его членами являются социологи из 30 стран мира. В 1998 г. на очередном Международном социологическом конгрессе состоялись 14 заседаний Комитета, по итогам которых были опубликованы 75 статей; фокусом этих публикаций были такие темы, как прогнозирование массовых реакций на чрезвычайные ситуации, а также способы смягчения разрушительных последствий катастроф и природных катаклизмов.

В настоящий обзор включены статьи американских социологов, которые предлагают ретроспективный взгляд на историю становления и теоретическую эволюцию социологии катастроф, а также намечают направления развития этой области социального знания в условиях глобализации и противостояния человечества новым социальным вызовам и масштабным бедствиям в третьем тысячелетии.

---

<sup>1</sup> National opinion research center. – URL: <https://www.drc.udel.edu> (accessed: 01.11.2022).

<sup>2</sup> См.: RC39 : Sociology of disasters. – URL: <https://www.isa-sociology.org/en/research-networks/research-committees/rc39-sociology-of-disasters/> (accessed: 01.11.2022).

<sup>3</sup> См.: International journal of emergencies and disasters. – URL: <http://ijmed.org> (accessed: 01.11.2022).

В статье почетного профессора Университета штата Аризона (США), экс-президента Комитета по изучению стихийных бедствий в рамках ISA Р. Перри содержится обстоятельный анализ социологии катастроф в ее концептуальном измерении [Perry, 2018]. Перри рассматривает историю развития социологии катастроф сквозь призму дефиниций феномена под собирательным названием *disaster* (катастрофа, бедствие, катаклизм) – как отличного от чрезвычайных и конфликтных ситуаций. Вслед за Э. Карантелли автор подчеркивает необходимость дифференциации этого явления, с одной стороны, и факторов, которые могут служить его причиной, катализатором или предпосылкой, – с другой. Он также обращает внимание на необходимость вычленения собственно социологического содержания понятия «катастрофа» как опирающегося на ту или иную категориальную базу, теоретическую модель или «прочтение / видение» этого феномена. Кроме того, подчеркивает Перри, в данном случае анализу подлежат только те определения, которые могут быть отнесены к разряду научных, тогда как дефиниции прикладного назначения (практические, организационные и т.п.) остаются за скобками. Таким образом, внимание автора статьи сосредоточено на эволюции понятия «катастрофа» (*disaster*) как контента, который соотносен с определенным классом явлений; при этом идентификация и классификация таких явлений должна иметь солидное теоретическое основание [ibid., p. 4].

В качестве критерия для отбора и сопоставления многочисленных и разноплановых социологических дефиниций катастроф Перри использует представление о парадигме. В данном случае парадигма – это синоним теоретической системы взглядов исследователя, его общего научного мировоззрения или интеллектуальной ориентации. При этом речь не идет о последовательной смене парадигм в социологии катастроф, замечает автор. Хотя каждая из них занимала лидирующие позиции на том или ином этапе истории дисциплины, корректнее говорить о преемственности главных трендов осмысления катастроф в рамках социологии – в том смысле, что элементы прежней парадигмы так или иначе сохраняются в последующих. Нельзя также утверждать, что социальные аналитики всегда отдают себе отчет в том, какую парадигму они себе избрали. Так что в контексте настоящей статьи парадигма – это про-

сто инструмент для классификации интеллектуальных трендов в трактовке явлений, объединенных термином «катастрофа», которые взаимно пересекаются и не исключают друг друга, резюмирует свою позицию Перри.

Автор выделяет три главных парадигмы, которые на протяжении 1950–2010-х годов служили фокусом концептуального осмысления феномена катастроф в социологии и очерчивали общие рамки толкования этого явления в контексте той или иной теоретической схемы: классический подход (и его более поздние варианты); традиция рассмотрения катастроф как природных катаклизмов / стихийных бедствий; социально сфокусированный способ прочтения катастроф [Регу, 2018, р. 6].

Классический подход сформировался в 1950-е годы благодаря эмпирическим и полевым исследованиям NORC; его кульминацией можно считать публикацию в 1961 г. работы Ч. Фрица, посвященной терапевтическим сообществам в чрезвычайных обстоятельствах [Fritz, 1961a ; Fritz, 1961b]. Исследования, проводившиеся по инициативе NORC, касались массовых поведенческих реакций на природные и иные катаклизмы (землетрясения, пожары, авиакатастрофы и т.п.). Собранный в 1950-е годы массив данных послужил эмпирической базой для первых опытов социологического осмысления феноменов, объединенных понятием *disaster*, как отличного от обыденных, журналистских, естественно-научных или историко-описательных интерпретаций. В большинстве публикаций классического толка определения катастрофы носили имплицитный характер, они подразумевались как нечто самоочевидное, но не были облечены в социологические термины.

Классический период в истории развития социологии катастроф, продолжает Перри, был отмечен двумя важными особенностями. Во-первых, толкованию катастроф была присуща агентность, т.е. понимание катаклизмов как следствия того или иного события, чреватого деструктивными последствиями для общества. Событие трактовалось как причина или катализатор, который в свою очередь обладал определенными количественными характеристиками: масштабом, длительностью, диапазоном, охватом. Собственно социальный аспект катастроф подразумевался, но не был теоретически зафиксирован вплоть до выхода в свет исследования Ч. Фрица, упомянутого выше. Во-вторых, в работах 1950–

1960-х годов прослеживаются попытки осмысления катастроф как момента возникновения «эмерджентных норм» социального общежития в условиях разрушения рутинного социального порядка. Социальными психологами был накоплен достаточный эмпирический материал, свидетельствовавший о существовании особых, преимущественно альтруистических паттернов интеракции и взаимопомощи и, шире, просоциального поведения в чрезвычайных ситуациях, где прежние нормы и принципы межличностного взаимодействия оказались неэффективны. Это направление в социологическом анализе катастроф получило развитие в последующие десятилетия – как трактовка катаклизмов и бедствий под углом зрения социальной деструкции и социальных изменений.

Следовательно, резюмирует свои наблюдения Перри, классический период социологии катастроф был отмечен значительным объемом индуктивных (эмпирических) исследований, стартом исследований теоретических (выдвижение гипотез) и разработкой первых дефиниций и моделей катастроф (*disaster*) как социального явления [Perry, 2018, p. 6].

В определениях 1950-х годов *disaster* фигурирует как событие, возникающее внезапно под влиянием некоторого внешнего фактора и влекущее за собой масштабные разрушения, которые затрагивают в том числе рутинный социальный порядок и требуют новых форм социальной организации и интеракции в условиях (необратимых) социальных изменений. Все эти аспекты прочтения катастроф как социального феномена были артикулированы Ч. Фрицем, который сформулировал первое строго социально обусловленное определение катастрофы: «Катастрофа – это класс явлений, затрагивающих общество в целом или его сегменты и несущих с собой явную либо потенциальную угрозу и серьезные деструктивные последствия, “которые препятствуют осуществлению важнейших функций общества”» [цит. по: Perry, 2018, p. 7]. В 2000-х годах дефиниция Фрица и связанная с ней интеллектуальная традиция получили развитие в работах ряда социологов. Предмет социологии катастроф получил конкретизацию как анализ тотальной деструкции социального порядка в чрезвычайных или критических условиях и связанного с этим процесса социальных изменений, включая возникновение новых форм социальной организации и общежития. Радиальный вариант переосмысления

формулировки Фрица уже в нынешнем столетии предложил Г. Фишер, который охарактеризовал задачу социологии как концептуализацию социальных изменений в контексте социальных катаклизмов и катастроф [Fischer, 2003].

Переходя к рассмотрению парадигмы катастроф как природных катаклизмов / стихийных бедствий, Перри подчеркивает, что аналитики первой и второй волн были единодушны в понимании катастроф любого генеза как продукта и результата воздействия «сторонней силы», находящейся вне контроля человека и являющейся внешней по отношению к базовым системам функционирования общества [Perry, 2018, p. 10]. В определениях катастроф как стихийных бедствий, которые доминировали в 1970-е годы, упор делался на разрушительных последствиях экстремальных природных явлений для человека и среды его обитания, включая социальные системы. Иными словами, социологи воспроизводили логику интерпретации катастроф, характерную для географических дисциплин: стихия есть внешний неконтролируемый источник человеческих, социальных и экологических бедствий. Однако на рубеже 1980–1990-х годов в трактовках природных катаклизмов появляется указание на то, что их сущностью являются не природные факторы как таковые, а «пересечение естественных (иногда предсказуемых) процессов с системами жизнедеятельности людей» (социальными, экономическими, производственными, культурными и т.п.) [Oliver, 1980 ; Hewitt, 1998]. Перри называет такой подход макроскопическим и подчеркивает его принципиальное отличие от естественно-научных трактовок природных катаклизмов [Perry, 2018, p. 11].

Социологи второй волны рассматривают стихийные бедствия как критический вариант развития естественных (природных) процессов, характерных для среды обитания человека, который достигает кульминации «в точке пересечения» социальных и природных систем и несет с собой разрушения и хаос. С конца 1990-х годов природные катаклизмы расцениваются как экстремальная форма взаимного пересечения физических и социальных (в том числе – социально сконструированных) контекстов; в определениях катастроф этого периода превалирует внимание к таким параметрам, как готовность общества противостоять катаклизмам и нивелировать их последствия (социальная устойчивость / уязви-

мость) [Alexander, 2005]. В фокусе социологического анализа природных катастроф оказывается материальный ущерб и социальная деструкция как взаимосвязанные, совокупные последствия стихийного бедствия, которое разрушает не только физическую, но и общественную инфраструктуру. Таким образом, к началу XXI столетия интерпретация катастроф в качестве природных явлений приближается к социально сфокусированному осмыслению, в рамках которого *disaster* – это сугубо социальный феномен с точки зрения его генеза, содержания и последствий, резюмирует Перри [Perry, 2018, p. 13].

Третья парадигма осмысления катастроф, которая доминирует в социологии в настоящее время, имеет такие отличительные черты, как отказ от событийности и агентности (как причин чрезвычайных ситуаций), изучение эмерджентных норм социальных отношений и просоциальных поведенческих паттернов в контексте нештатных событий, акцент на социальных изменениях в качестве адаптивных механизмов в критических условиях, трактовка катастрофы как констатации фиаско социальной системы и структуры в целом. Стремим сугубо социального прочтения феномена катастроф выступает трактовка социальной системы как «локуса деструктивных процессов», ассоциированных с бедствиями и катаклизмами. В современных интерпретациях общество является отправным и конечным пунктом теоретического моделирования и определения катастрофических ситуаций и событий. «Катастрофа, – поясняет свою мысль автор статьи, – это социальная деструкция, проистекающая из нарушений в социальной системе, включая систему социальных взаимодействий» [Perry, 2018, p. 15]. Э. Карантелли выделил следующие характеристики катастрофы как социального явления, которые сегодня считаются общепринятыми: а) внезапность; б) деструкция сообществ и социальных образований; в) очевидные адаптивные усилия общества в виде новых форм социального взаимодействия; г) неожиданные повороты индивидуальных жизненных траекторий; д) явная угроза значимым социальным объектам [Quarantelly, 2000].

Перспективным направлением развития социологии катастроф в третьем тысячелетии Перри считает анализ социальной уязвимости / устойчивости общества перед лицом глобальных вызовов. Категория уязвимости сегодня широко используется в

мультидисциплинарных исследовательских проектах, наряду с понятием экологии человека. И хотя эти категории не являются определяющими для класса явлений, относящихся к разряду катастроф и катаклизмов, они позволяют конкретизировать причины социальных реакций на угрозы и разрушения со стороны разных сегментов общества и социальных групп, которые демонстрируют низкий уровень готовности противостоять критическим событиям и адаптироваться к их последствиям (гендерные и национальные сообщества, возрастные когорты, этнические и сексуальные меньшинства, страны третьего мира и т.п.).

В заключение Р. Перри намечает точки соприкосновения существующих сегодня подходов к осмыслению феномена катастроф в мультидисциплинарном пространстве современного знания (социология, социальная психология, антропология, географические и геофизические науки, управление рисками, кризисный менеджмент, социальная политика, политология). Несмотря на специфику дисциплинарного фокуса, задач и методов изучения катаклизмов и чрезвычайных ситуаций, исследователей объединяет сходная трактовка следующих базовых параметров катастрофы: 1) первостепенная роль человеческого фактора; 2) масштабность социальной деструкции; 3) анализ нештатных событий в терминах экологии человека; 4) попытки классификации и типологизации катастрофических событий с использованием разных оценочных критериев.

Примером социологической типологизации катастроф может служить «шкала Фишера», которая была разработана в 2003 г. и до сих пор востребована социальными аналитиками [Fischer, 2003]. Г. Фишер (Миллерсвилльский университет, шт. Пенсильвания, США) утверждает, что социологам не нужно единое определение класса явлений, которые характеризуются термином «катастрофа» (*disaster*), равно как и общая теоретическая парадигма для их концептуализации. Социологи, изучающие чрезвычайные ситуации и природные катаклизмы, должны руководствоваться в своей работе общепринятой интерпретацией предмета своей дисциплины, каковым являются социальные сообщества, общество в целом, социальные структуры и социальные изменения. Все перечисленное, помещенное в контекст катастрофы, продолжает оставаться в фокусе внимания социологов. Тем не менее, продолжает Фишер, со-

циологам не следует сбрасывать со счетов «агента» чрезвычайных ситуаций и катаклизмов, или «провоцирующее событие» (ураганы, цунами, торнадо, террористические акты, авиакатастрофы, пожары и наводнения). Акцент на агентности катастрофы позволяет сосредоточиться на кардинальных переменах, которые следуют за провоцирующим событием, применительно к нормам, институтам, поведенческим и интерактивным стереотипам и прочим составляющим социальной структуры (как в масштабах общества, так и на уровне отдельных сообществ и групп). Иначе говоря, агент катастрофы представляет интерес для социологического анализа исключительно в качестве события, провоцирующего масштабную социальную деструкцию и разрушение социального порядка, резюмирует Фишер.

Автор предлагает развернутое описание предмета и задач социологии катастроф, которое задает параметры предложенной им типологии чрезвычайных событий. Социология катастроф – это «изучение в терминах социальных наук либо в социологических терминах социоструктурных адаптивных изменений, которые предшествуют и / или следуют за провоцирующими событиями» [Fischer, 2003, p. 95]. Акцент на провоцирующем событии позволяет сделать фокусом социологического рассмотрения катастроф социальную структуру, функционировавшую до его возникновения, равно как и процессы, являющиеся последствием коллективных реакций свидетелей и жертв чрезвычайных происшествий и стихийных бедствий. Эти процессы, в свою очередь, приводят к осознанию участниками недейственности в новых условиях рутинных социальных практик и структур, способствуя пониманию неизбежности временной либо радикальной смены норм общежития, управления, организации и взаимодействия. Эти нормы должны уступить место принципиально новым способами организации общественной жизни, либо таким, которые зародились в недрах прежней социальной системы [Fischer, 2003, p. 95–96].

Приступая к описанию предложенной им шкалы масштабирования катастроф и чрезвычайных ситуаций, Фишер подчеркивает, что главным основанием для дифференциации событий нештатного характера служат такие их параметры, как масштаб деструкции, их объем (охват, протяженность, сфера) и длительность. Эти же параметры применяются и для параллельной клас-

сификации бедствий с точки зрения требующихся адаптивных усилий и социоструктурных изменений. Все переменные подлежат количественному измерению и могут быть выражены в цифрах; тем не менее, настаивает автор, «предлагаемая шкала катастроф имеет качественную природу» [Fischer, 2003, p. 106]. Для социологов, с точки зрения описания и объяснения события, имеет значение масштаб социальных изменений, а не число жертв или объем разрушений физических объектов. Именно вследствие такого понимания задач социологии катастроф шкала позволяет сравнивать между собой чрезвычайные явления разного порядка и генеза, делая приоритетной проблему социальной адаптации и создания новых социальных структур, которые будут эффективны в изменившихся условиях.

Линейным выражением шкалы масштабирования катастроф по Фишеру служит следующая простая цепочка: (исходная) социальная структура (*status quo*) → провоцирующее событие → адаптивная / адаптированная социальная структура. По мере добавления в эту схему переменных, характеризующих размах бедствия (территория и население), его охват (группа, сообщество, совокупность групп или сообществ, город, большой город, мегаполис, регион) и длительность (одномоментность или затяжной характер как самого происшествия, так и необходимых мер для ликвидации последствий), исходная цепочка приобретает вид таблицы из десяти категорий. Первые три категории соотносятся с чрезвычайными событиями ограниченного (повседневного) плана: пожар, авария на электростанции или повреждение системы водоснабжения, ДТП. Категории 4–9 соответствуют классу явлений, именуемых катастрофами: масштабная деструкция, сложная и длительная социальная адаптация. Категория 10 указывает на деструкцию, дезорганизацию и «аннигиляцию» общества в целом без возможности его восстановления: ядерный взрыв. Таким образом, чрезвычайные происшествия (*emergencies*) – это события, один или все три базовых параметра которых (масштаб, объем, длительность) носят ограниченный характер; катастрофа характеризуется высокими и крайними величинами всех или хотя бы двух из вышеназванных параметров.

Несмотря на то, что предложенная шкала носит эскизный характер и требует детализации, она позволяет приступить к клас-

сификации катастрофических явлений под строго социологическим углом зрения, пишет в заключение Г. Фишер [Fischer, 2003, p. 106].

Социологи Бин Сюй (Университет Эмори, шт. Джорджия, США) и Минг-Ченг М. Ло (Калифорнийский университет в Дейвисе, США) анализируют специфику осмысления катастроф в рамках культурсоциологии [Xu, Lo, 2022]. Авторы подчеркивают актуальность темы катастроф для социологии XXI века, в том числе – для такого относительно нового ее направления, как культурсоциология. Если изначально понятие «катастрофа» принадлежало периферии социального знания, то с наступлением третьего тысячелетия и, в частности, таких событий, как теракты 9/11 и пандемия COVID-19, термин *disaster* становится едва ли не самым ходовым словом социологического лексикона, отражая «ужасающую повседневность нашего времени» [ibid., p. 1]. Интерпретация катастроф с позиций культурсоциологии значительно расширяет горизонт социального знания и открывает новый ракурс в толковании нештатных ситуаций и природных катаклизмов. Аналитическим фокусом здесь служит процесс смыслообразования и привнесения значений как составляющих социального конструирования среды обитания человека. Этот процесс достаточно ярко проявляет себя в коллективных реакциях людей и сообществ на вызовы в чрезвычайных обстоятельствах. В контексте социологии катастроф в центре внимания находятся культурные составляющие социальной жизни и социальных структур в их экстремальном выражении в критические моменты, поясняют авторы статьи. Под культурой здесь подразумеваются один или несколько вариантов ее социального воплощения: а) в качестве совокупности социокультурных элементов (символы, смыслы, моральные принципы, ценности, когнитивные установки); б) как аспект поступков и действий (следование тем или иным социокультурным паттернам); в) как модель взаимодействия и межличностных отношений (правила, конвенции, ожидания, соглашения); г) в качестве объектов, доступных слуховому или зрительному восприятию и осязанию (музыка, живопись, скульптура, литература, кино, театр, музеи). Катастрофа понимается в культурсоциологии как сугубо социальный феномен, вне зависимости от его генеза, поскольку даже природный катаклизм наряду с физическим ущербом чреват социальной деструк-

цией и усугублением социальных проблем (например, на фоне высокой социальной уязвимости / низкой устойчивости социальных групп или общества в целом). Катастрофа социальна в той мере, подчеркивают Бин Сюй и Минг-Ченг М. Ло, в какой она обладает социальным значением для обществ и составляющих их групп и индивидов. Таким образом, резюмируют свою позицию авторы, «мы определяем катастрофу как социальное событие, которое нарушает нормальный порядок социальной жизни и, являясь следствием непреднамеренных действий человека или природных факторов, несет с собой масштабные разрушения, опасные для физического существования человека и созданных им объектов социальной среды» [Xu, Lo, p. 2]<sup>1</sup>.

Цель культурсоциологии – выявление и анализ символического содержания таких элементов социальной структуры, которые на первый взгляд лишены культурного измерения (институты, политические программы, менеджмент, статус, привилегии). К разряду таких неочевидных культурных объектов могут быть отнесены катастрофы и чрезвычайные ситуации, а также их последствия. Тем не менее социология катастроф долгое время игнорировала культурную составляющую катаклизмов и бедствий, особенно в период своего становления и приоритета прикладных проектов. Перелом наступил уже в нынешнем столетии, когда вызовы глобализации, с одной стороны, и усиление междисциплинарных трендов в продуцировании знания, с другой, сделали очевидной необходимость включения культурных измерений социальной жизни и ее трагических моментов в повестку социологии катастроф. Другими словами, «культурный поворот» достиг социологию катастроф спустя четыре десятилетия после культурной переориентации социологического мейнстрима, замечают авторы. Показателем радикальных перемен в изучении катастроф они считают включение соответствующей главы в новое издание «Handbook of disaster research»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Авторы не рассматривают в качестве катастрофы такие преднамеренные действия людей, как войны и террористические акты.

<sup>2</sup> См.: Webb G.R. The cultural turn in disaster research : understanding resilience and vulnerability through the lens of culture // Handbook of disaster research / ed. by H. Rodriguez, W. Donner, J. Trainor. – 2nd ed. – Cham : Springer, 2018. – P. 109–121.

Сегодня преимущества культурно ориентированного толкования катастроф и стихийных бедствий признают значительное число социальных исследователей, поскольку внимание к символическому содержанию катаклизмов и бедствий позволяет увидеть неожиданные нюансы таких явлений, как социальные риски, устойчивость и уязвимость сообществ, посттравматическая адаптация и реабилитация обществ и государств и т.п. Исследования, проводившиеся в этом направлении на протяжении двух последних десятилетий, показывают, что самые «жесткие» факты, ассоциированные с катастрофами, всегда опосредуются более «мягкими» переменными в виде культурной традиции, коллективной памяти, гражданских эпистемологий, социальных нарративов и представлений [Xu, Lo, 2022, p. 2].

Анализ чрезвычайных событий и катаклизмов, в свою очередь, обогащает фактическую и концептуальную базу культурсоциологии, продолжают авторы. В катастрофических обстоятельствах проявляют себя в действии те процессы, которые П. Бурдье назвал «символическим насилием», т.е. разрушение и распад казавшихся незыблемыми культурных установок и социальных ожиданий и появления новых коллективных нарративов и мировоззренческих моделей. Социологический анализ коллективных нарративов способствует более глубокому осмыслению кризисов нашего времени в рамках междисциплинарных дискуссий, подчеркивают Бин Сюй и Минг-Ченг М. Ло. «Изучение катастроф провоцирует и поощряет размышления о том, как культура спасает жизнь или отнимает ее в момент катаклизма» [Xu, Lo, 2022, p. 3].

Примером перспективной интеграции *disaster study* и культурсоциологии может служить исследовательское поле, связанное с пандемией COVID-19. В данном случае в центре внимания оказались культурно-политические практики, к которым прибегают государственные структуры для защиты здоровья нации и предотвращения распространения вируса. Интерес представляют также ответные реакции населения на непопулярные меры правительства (локдаун, ограничение мобильности, масочный режим) в контексте коллективистских / индивидуалистских традиционных норм поведения, во-первых, и авторитарной / демократической традиций государственного правления – во-вторых. Не менее актуален анализ массового поведения в условиях пандемии под углом зрения

культурной травмы и исторической памяти, а также в терминах «риторики мигрантов и меньшинств» (в первую очередь – выходцев из стран Азии) как главных виновников возникновения и распространения смертоносного вируса [Alexander, Smith, 2020 ; Qian, 2021].

Процесс сближения и взаимного обогащения социологии катастроф и культурсоциологии, который набирает силу сегодня, был подготовлен теоретическими усилиями социальных исследователей предшествующих десятилетий, подчеркивают Бин Сюй и Минг-Ченг М. Ло. Авторы выделяют ряд понятий и теоретических моделей, которые оказались востребованы культурсоциологией катастроф: а) восприятие рисков (понятие культуры-в-структуре; социально-психологический и когнитивный анализ массовых предрассудков и социальных представлений, ассоциированных с опасностью и угрозой; концепция общества риска; теория вероятностного мышления); б) драма и перформанс (катастрофа как социальная драма; культурная прагматика; политический лидер как актер; политический перформанс; символическая политика); в) солидарность, культурная травма, коллективная память.

В заключение авторы намечают перспективы изучения катастроф как социокультурного феномена в XXI столетии. Первоочередная задача, с их точки зрения, связана с углублением наметившегося тренда к междисциплинарному исследованию культурных измерений катастроф и бедствий (их «перекрестному опылению») [Ху, Ло, 2022, р. 5]. Не менее важны диалог теории и прикладных исследований, а также «глобализация исследовательского поля» – расширение географии социокультурного анализа катастрофических событий за пределы западного мира. Необходимым представляется выявление новых специфических угроз человечеству в современном мире, изменяющих содержание и масштаб катастроф (аварии на АЭС, изменения климата, загрязнение окружающей среды). Наконец, следует расширить критическую повестку социологии катастроф, уделяя пристальное внимание имплицитным социальным проблемам и способам их политического решения (катастрофические последствия социальной дискриминации и неравенства на уровне групп, сообществ и целых наций). Критическая позиция, подчеркивают Бин Сюй и Минг-Ченг М. Ло, позволит не только дезавуировать традиционные мифы, связанные с

коллективным поведением в контексте катастроф, но и выработать подходы к решению социальных проблем, которые усугубляются в кризисные периоды и демонстрируют ущербность социальных структур и институтов.

В статье социологов из Университета Колорадо в Боулдере (США) Л. Пик, Х. Шомпо и Дж. Остин и их коллег М. Мэтьюса (Университет штата Аризона, США) и Х. Ву (Университет Дэлхаузи, г. Галифакс, Канада) обсуждаются итоги первой широкомасштабной международной переписи специалистов по изучению социальных катастроф и природных катаклизмов [Peek, Wu, Mathews, 2018 ; What methods ... , 2022]. Перепись проводилась по инициативе организации, которая представляет собой платформу для социальных научных исследований чрезвычайных событий (Social science extreme events research network, SSEER)<sup>1</sup>. SSEER функционирует на базе Университета Колорадо в Боулдере при финансовой поддержке Национального научного фонда США, ее руководителем является Лора Пик, которая также возглавляет Центр изучения стихийных бедствий в этом университете. В 2020 г. SSEER объединяла 1013 членов из пяти регионов ООН [What methods ... , 2022, p. 1066]. Официальная миссия SSEER – картирование социальных исследований чрезвычайных событий, статистический учет социальных аналитиков, которые изучают феномен катастроф. В задачу организации входит также установление контактов между специалистами в этой сфере социального знания, налаживание междисциплинарного диалога и обмена информацией и опытом теоретического и прикладного характера. Цель SSEER – создание и развитие информационной базы социального и мультидисциплинарного изучения катастроф и природных катаклизмов, выявление дисциплинарных трендов и методологических инноваций в этой области знания. Усилия организации, возглавляемой Л. Пик, направлены на расширение географии анализа глобальных рисков и угроз, содействие международному обмену опытом (теоретическим, прикладным, практическим, инженерно-техническим, организационным, управленческим, социально-политическим) по предотвращению катаклизмов и скорейшему

---

<sup>1</sup> См.: Social science extreme events research (SSEER). – URL: <https://converge.colorado.edu/research-networks/sseer/> (accessed: 01.11.2022).

устранению их последствий. Таким образом, SSEER призвана собирать информацию, которая отражает реальный научный статус социального знания о чрезвычайных событиях, резюмируют авторы [What methods ... , 2022, p. 1068].

В статье подробно обсуждаются причины, побудившие SSEER предпринять статистическое исследование, которое позволяет судить о состоянии *disaster studies* в наши дни. Во-первых, аналогичные попытки, предпринимавшиеся прежде (например путем сбора сведений в рамках профильных организаций, таких как Национальная географическая ассоциация США или Комитет по изучению катастроф ISA), оказались нерепрезентативными. Сложность сбора статистических данных обусловлена пестрым дисциплинарным контекстом изучения катастроф (даже в рамках социального знания), разнообразием подходов и методов, широкой географией чрезвычайных событий и природных катаклизмов, уровнем квалификации специалистов из разных стран. Все эти трудности, по возможности, принимались во внимание при разработке критериев статистического учета ученых, занимающихся анализом катастроф, в переписи SSEER.

Во-вторых, статистический учет осложняется изменившимися масштабами чрезвычайных событий и их последствий в глобальном пространстве XXI столетия. Фактические сведения, которыми располагает сегодня SSEER, указывают на две противоположные тенденции, характеризующие чрезвычайные ситуации и катаклизмы наших дней. Так, значительно возрос физический, экономический, материальный, финансовый и экологический ущерб, вызванный такими бедствиями, как теракты 9/11, ураган Катрина, землетрясение в Индийском океане и т.д. В США расходы на устранение последствий стихийных бедствий за период с 1998 по 2017 г. увеличились на 2,9 трлн долл. [What methods ... , 2022, p. 1067]. Вместе с тем статистика свидетельствует о снижении смертности в результате катастроф на протяжении последних десятилетий (если не принимать в расчет пандемию COVID-19). Этот позитивный сдвиг обусловлен инженерно-техническим и научным прогрессом, совершенствованием способов прогнозирования стихийных бедствий, развитием кризисного менеджмента, социальной коммуникации и политических мер по предотвращению гибели людей. Не последняя роль в этом принадлежит соци-

альным наукам и мультидисциплинарному анализу феномена катастроф, что предполагает совершенствование системы подготовки соответствующих специалистов, констатируют Пик и ее коллеги. С учетом сказанного, актуальным представляется регулярный сбор и учет статистической информации, которая позволяет судить о состоянии, достижениях и перспективах комплекса знаний, имеваемых *disaster studies*.

Сбор информации в рамках переписи SSEER проводился методом опроса (август 2018 – март 2020 г.). В проекте приняли участие 1013 членов SSEER в возрасте 21–78 лет; 52,02% составляли женщины; 59,62% респондентов были белыми; 62,39% имели докторскую степень; средняя продолжительность профессионального опыта в области изучения катастроф и природных катаклизмов составила 9,62 лет. Подавляющее большинство опрошенных (80,85%) указали в качестве места своей профессиональной локации университеты США; 8,29% работали в Европе; 5,33 – в азиатских странах; 2,95 – в Южной и Латинской Америке; 4,15 – в странах Океании; 1,18% – в Африке. Таким образом, 73,05% членов SSEER представляют сегодня североамериканские университеты, 4,24% – университеты Канады, 2,57% – Великобритании [What methods ... , 2022, p. 1071–1073].

В ходе опроса учитывались следующие профессиональные и демографические характеристики респондентов (переменные): профессиональный статус; дисциплинарная принадлежность (с учетом базового образования); узкая профессиональная специализация; методы сбора и анализа данных; стадии катастрофы, подлежащие первичному анализу; типы изучаемых катастроф; характер исследований и их географическая локация; демографические характеристики респондента [What methods ... , 2022, p. 1071].

По итогам статистического исследования авторы сделали ряд предварительных выводов относительно «профессионального лица» аналитиков чрезвычайных событий в контексте социального знания. Предпочтительным методом исследований оказался case study; при этом большая часть опрошенных отдавала предпочтение качественным, а не количественным методам (респонденты чаще всего упоминали такие из них, как наблюдение и включенное наблюдение и метод фокус-групп). Треть опрошенных использовала в своей работе контент-анализ, среди прочих методов чаще

всего упоминались статистический анализ данных и геопространственная аналитика. Более 80% опрошенных членов SSEER использовали в работе четыре и более методов [What methods ... , 2022, p. 1074]. Отвечая на вопрос о своей дисциплинарной принадлежности, респонденты перечислили около 20 научных направлений, которые относятся к социальному знанию; более половины из них упомянули более чем одну научную дисциплину; 3,15% заявили о своей принадлежности к несоциальным наукам [ibid., p. 1076]. Лидерами в перечне базовых дисциплин оказались география, социология, публичное администрирование и менеджмент в чрезвычайных ситуациях, анализ рисков, управление принятием решений. Примечательно, что значительное число опрошенных отнесли себя к представителям *disaster science*, включая тех из них, кто имел ученую степень в той или иной сугубо социальной сфере научного знания.

49,11% респондентов характеризовали себя как «базовых», или фундаментальных исследователей (*core researchers*); 23,79 назвали себя аналитиками чрезвычайных ситуаций; 20,04 – эмерджентными аналитиками; 6,22% – аналитиками ситуаций [What methods ... , 2022, p. 1086]. Что касается типа катастроф, подлежащих анализу, то подавляющее большинство участников опроса (92,99%) указали на стихийное бедствие / природный катаклизм и только 18,6% упомянули террористические акты и иные проявления международных форм насилия. Около 80% опрошенных членов SSEER заявили о том, что они по преимуществу занимаются анализом социальной и технологической готовности общества и его институтов к чрезвычайным ситуациям, 2/3 в основном изучали реакции людей и организаций и долгосрочную посттравматическую реабилитацию [What methods ... , 2022, p. 1080–1082].

Предварительный анализ статистики, характеризующей нынешнее состояние социального анализа катастроф и стихийных бедствий, позволяет наметить первоочередные задачи развития этой области знания и подготовки специалистов соответствующего профиля, пишут в заключение Л. Пик и ее коллеги. Необходимо расширять диапазон профессиональных знаний и навыков будущих аналитиков чрезвычайных ситуаций, сочетая аудиторные занятия с практикой полевой работы. Также следует разнообразить методологический арсенал теоретиков и практиков *disaster studies*

для того, чтобы подготовить их к работе в мультидисциплинарных командах, которые смогут достойно встретить природные, социальные и технические вызовы глобального мира в третьем тысячелетии.

### Список литературы

Alexander D.A. An interpretation of a disaster in terms of changes in culture, society, and international relations // What is a disaster : new answers to old questions / ed. by R.W. Perry, E.L. Quarantelli. – Philadelphia (PA) : Xlibris publishers, 2005. – P. 25–38.

Alexander J.C., Smith Ph. COVID-19 and symbolic action : global pandemic as code, narrative, and cultural performance // American journal of cultural sociology. – 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 263–269.

Drabek T.E., McEntire D. Emergent phenomena and the sociology of disaster // Disaster prevention and management. – 2003. – Vol. 12, N 2. – P. 97–112.

Fischer H.W. The sociology of disaster : definitions, research questions, and measurements : continuation of the discussion in a post-September 11 environment // International journal of mass emergencies and disasters. – 2003. – Vol. 21, N 1. – P. 91–107.

Fritz C.E. Disaster // Contemporary social problems / ed by. R. Merton, R. Nesbit. – New York : Harcourt publishers, 1961 a. – P. 651–694.

Fritz C.E. Disaster and community therapy. – Washington : National research council, National academy of sciences, 1961 b. – 72 p.

Hewitt K. Excluded perspectives in the social construction of disaster // What is a disaster? / ed. by E.L. Quarantelli. – London : Routledge, 1998. – P. 75–91.

Oliver J. The disaster potential // Response to disaster / ed. by J. Oliver. – North Queensland : Center for disaster studies, James Cook univ., 1980. – P. 3–28.

Peek L., Wu H., Mathews M. The 2018 social science extreme events research (SSEER) census. – Boulder : Natural hazards center, Univ. of Colorado, 2018. – 7 p. – URL: <https://converge.colorado.edu/download/6929/> (accessed: 10.11.2022).

Perry R.W. Defining disaster : an evolving concept // Handbook of disaster research / ed. by H. Rodriguez, W. Donner, J. Trainor. – 2nd ed. – Cham : Springer, 2018. – P. 3–22.

Prince S. Catastrophe and social change, based upon a sociological study of the Halifax disaster. – New York : Columbia univ. press, 1920. – 151 p.

Qian L. Making memory work : the SARS memory and China's war on COVID-19 // Memory studies. – 2021. – Vol. 14, N 6. – P. 1489–1502.

Quarantelli E.L. Disaster research // Encyclopedia of sociology / ed. by E. Borgatta, R. Montgomery. – New York : Macmillan, 2000. – P. 682–688.

Sorokin P. Man and society in calamity : the effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life. – New York : E.P. Dutton, 1942. – 352 p.

What methods do social scientists use to study disasters? An analysis of the social science extreme events network / Peek L., Champeau H., Austin J., Mathews M., Wu H. // American behavioral scientist. – 2022. – Vol. 64, N 8. – P. 1066–1094.

Xu B., Lo M.-Ch.M. Toward a cultural sociology of disaster : introduction // Poetics. – 2022. – Vol. 93, part A. – P. 1–8.

## References

Alexander D.A. An interpretation of a disaster in terms of changes in culture, society, and international relations. *What is a disaster : new answers to old questions*. Ed. by R.W. Perry, E.L. Quarantelli. – Philadelphia (PA) : Xlibris publishers, 2005. – P. 25–38.

Alexander J.C., Smith Ph. COVID-19 and symbolic action : global pandemic as code, narrative, and cultural performance. *American journal of cultural sociology*. – 2020. – Vol. 8, N 3. – P. 263–269.

Drabek T.E., McEntire D. Emergent phenomena and the sociology of disaster. *Disaster prevention and management*. – 2003. – Vol. 12, N 2. – P. 97–112.

Fischer H.W. The sociology of disaster : definitions, research questions, and measurements : continuation of the discussion in a post-September 11 environment. *International journal of mass emergencies and disasters*. – 2003. – Vol. 21, N 1. – P. 91–107.

Fritz C.E. Disaster. *Contemporary social problems*. Ed by. R. Merton, R. Nesbit. – New York : Harcourt publishers, 1961 a. – P. 651–694.

Fritz C.E. *Disaster and community therapy*. – Washington : National research council, National academy of sciences, 1961 b. – 72 p.

Hewitt K. Excluded perspectives in the social construction of disaster. *What is a disaster?* Ed. by E.L. Quarantelli. – London : Routledge, 1998. – P. 75–91.

Oliver J. The disaster potential. *Response to disaster*. Ed. by J. Oliver. – North Queensland : Center for disaster studies, James Cook univ., 1980. – P. 3–28.

Peek L., Wu H., Mathews M. *The 2018 social science extreme events research (SSEER) census*. – Boulder : Natural hazards center, Univ. of Colorado 2018. – 7 p. – URL: <https://converge.colorado.edu/download/6929/> (accessed: 10.11.2022).

Perry R.W. Defining disaster : an evolving concept. *Handbook of disaster research : 2 nd ed*. Ed. by H. Rodriguez, W. Donner, J. Trainor. – Cham : Springer, 2018. – P. 3–22.

Prince S. *Catastrophe and social change, based upon a sociological study of the Halifax disaster*. – New York : Columbia univ. press, 1920. – 151 p.

Qian L. Making memory work : the SARS memory and China's war on COVID-19. *Memory studies*. – 2021. – Vol. 14, N 6. – P. 1489–1502.

Quarantelli E.L. Disaster research. *Encyclopedia of sociology*. Ed. by E. Borgatta, R. Montgomery. – New York : Macmillan, 2000. – P. 682–688.

Sorokin P. *Man and society in calamity : the effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life.* – New York : E.P. Dutton, 1942. – 352 p.

What methods do social scientists use to study disasters? An analysis of the social science extreme events network. Peek L., Champeau H., Austin J., Mathews M., Wu H. *American behavioral scientist.* – 2022. – Vol. 64, N 8. – P. 1066–1094.

Xu B., Lo M.-Ch.M. Toward a cultural sociology of disaster : introduction. *Poetics.* – 2022. – Vol. 93, part A. – P. 1–8.